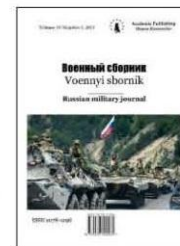

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal

UDC 94(47)

The Features of Family Relations in Terms of the Great Patriotic War of 1941-1945

Irina G. Tazhidinova

Kuban State University, Russian Federation
350063 Krasnodar, Kuban Naberezhnaya street, 4
PhD (History)
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Abstract. The article presents the experience of reconstruction relations Red Army soldiers and their relatives on the basis of private correspondence. The documents of private origin, which were published in the last decade, and epistolary sources from Russia Archives are used as a source base. The sources, that contain personal experience of the war, make it possible emotional experience of combatants and their families (parents, wives, children), the basic problems of family relations in wartime (moral, financial, material). This article discusses the nature and content of the written communication with relatives in the Red Army, 1941-1945.

Keywords: The Great Patriotic War 1941–1945; front-line soldiers; family correspondence; front-line and rear routine; financial and moral support.

Введение. Влияние Великой Отечественной войны на быт, жизнеустройство и жизнедеятельность семей советских граждан прослеживается во многих аспектах, но, пожалуй, наиболее сильно отразилось на базисных: материальном благосостоянии и внутрисемейных коммуникациях. Разумеется, 22 июня 1941 г. масштаб грядущих перемен предположить было невозможно, тем более что задолго до этого момента усилиями советской пропаганды в сознании советских людей был создан образ войны как быстрой, практически бескровной и победной. И все же опыт предыдущих, не так давно пережитых войн напоминал об их печальных, не всегда предсказуемых последствиях, круто меняющих течение повседневной жизни, безжалостно изламывающих людские судьбы. «Распространилась [весть о войне] очень быстро. Где-то примерно после обеда, где-то после часа узнал, – рассказывает А.П. Обозьянский, которому в 1941 г. исполнилось 14 лет. – Ну, и потом... рев по станице. Знаете, как женщины [могут]... Не плач, а рев. Очень страшно как-то. Не видишь ничего, а... как стон [идет] по всей станице. <...> Тогда те войны [были в памяти], люди понимали, что такое война. Поэтому – просто плач, плач, плач женщин» [1].

Что касается уровня жизни советских семей, который и в предвоенные годы был, мягко говоря, невысоким, то оккупация значительной части территории СССР, эвакуация мирного населения и сосредоточение всех имеющихся в стране ресурсов для перелома ситуации на фронте и скорейшей победы над врагом губительно сказались на нем и повлекли самые трагические последствия. В то же время на переживание тягот и лишений, которые принесла война, наложили отпечаток стандарты материального благополучия семей и практики решения бытовых проблем, закрепившиеся еще в довоенный период. Такого рода стандарты можно охарактеризовать как универсальные, непритязательные, скромные, что верно для большинства населения. Для него же оставались актуальными и важными

традиции взаимопомощи (родственной, соседской) в решении разнообразных семейных проблем.

Накануне войны безбедность, зажиточность существования была свойственна для крайне небольшого числа советских семей. В этом смысле показательны письма красноармейцам от членов их семей, написанные в период советско-финской войны (декабрь 1939 г. – март 1940 г.), которые были найдены и проанализированы В.М. Зензиновым. Согласно заключению Зензинова, в этой «как бы зачерпнутой ложкой пробе из огромного котла народной жизни» преобладали свидетельства о трудностях повседневной жизни. О многом говорит тот факт, что из 542 писем, прошедших через руки исследователя, о благополучии свидетельствуют не более десятка, причем, вследствие обязательных оговорок авторов, и они оставляют впечатление об относительности такой безбедной жизни. Даже в этих письмах речь идет, главным образом, о недостатке в питании и наличии скота, который есть чем прокормить «взиму», т.е. ресурсах, позволяющих удовлетворить физиологические нужды; остальные письма повествуют об откровенной нужде. Выручала непритязательность, о чем свидетельствует письмо В. Меламеду, служившему в 273-м горнострелковом полку, от жены из Ленинграда: «...все есть всего достаточно и если ты слышал, что плохо с продуктами и что мол ничего не достать, так это нет и не хватает для тех, кому нужны запасы до самой смерти, а нам запасы не нужны, а продукты нужны на пятитдневку». Спустя неделю женщина писала: «Если б только не надежда что скоро все кончится так есть от чего с ума сойти ты дорогой мой бодрись ты не один а миллионы нас таких же как мы» [2].

Интервью также подтверждают, что материальные трудности имели хронический характер. Особенно остро они ощущались в многодетных семьях, которых было немало, и, преимущественно, в сельской местности. А.С. Гончаров (1927 г.р.), уроженец села Шведино (в настоящее время – Ставропольского края), был младшим в семье, где, кроме него, росло еще девять детей. Детство вспоминает так: «Была полная, можно сказать, нищета. Я вам скажу, до войны... хорошего, вообще, нечего сказать. В селе все время была бедность. Чтобы жили мы в достатке, этого не было, вот...». Примечательно, что свое добровольчество в войну Гончаров объясняет именно безысходными условиями жизни семьи в колхозе [3]. «Жили бедно, прямо скажем», – лаконичен в описании материальных условий своей семьи перед войной сверстник Гончарова, А.П. Обозьянский. Из детства вспоминает хату в станице Черноморской, где у одной на всех чашки рассаживалась кругом семья – родители и четверо детей. Впоследствии Обозьянский постигла «трагедия», так как мать оставила семью, а отец привел в дом мачеху, отношения с которой у детей не сложились. С началом войны и мобилизацией отца условия жизни в семье, естественно, не улучшились, и данные обстоятельства прежде времени привели Сашу Обозьянского на фронт [4].

Семейные проблемы являлись одним из мотивов к добровольному уходу на фронт, на что, в частности, обращает внимание Е.Н. Боле, проанализировавшая письменные заявления добровольцев, поступавшие в военкоматы Коми АССР [5]. Основываясь на устных свидетельствах, можем подтвердить, что отсутствие крепких родственных связей, семейного уюта, действительно, подталкивало молодых людей к такому решению. Р.Я. Дворцова, воспитывавшаяся в детдоме (семья была раскулачена, родители в 1933 г. «с голоду поухли»), вспоминала, как после освобождения родного ей Ставрополя «ходили с военкомата, кто желает добровольно, [обращайтесь] в сельсовет». «Я с радостью, тетка не возражала. Это был 1943 год» [6]. Н.П. Жуган – выходец из многодетной крестьянской семьи, проживавшей в селе Николаевка Одесской области, рано потерял родителей, умерших от тифа. «Нас было 8 человек детей, я – самый младший. <...> Остался без отца, без матери в возрасте 5 лет. Нелегкая была жизнь. То немножко старшие братья брали к себе. У них свои семьи были. Они поженились. Старше они были, я – малыш против них. А потом в 1925 г. советская власть организовала для таких детей детский интернат в Одессе. И вот, нас туда забрали с нашей Николаевки, человек 7 забрали». Через несколько лет Жуган вернулся в Николаевку («тянуло в родное гнездо»), где закончил семилетку, работал в совхозе. Затем устроился токарем на одесский завод, а в 1937 г. получил путевку в летнюю школу Осоавиахима, что и определило его место в грядущей войне [7].

Война кардинально изменила положение многих семей, и сразу пролегла пропасть между теми из них, которые лишились основного кормильца и других членов семьи, ушедших на фронт по мобилизации или добровольно, и теми, чей состав остался прежним.

Такого рода разрыв ощущался на протяжении всей войны, поскольку армия регулярно пополнялась новыми человеческими ресурсами, военнослужащие в массовом порядке погибали в боях, а тяготы мирного населения имели тенденцию к накоплению (вещи ветшали и снашивались, дети выросли и требовали дополнительных вложений в питание и образование, подорванное здоровье нуждалось в поддержке, и т.д.).

Согласно представлениям рассматриваемого времени, ситуация мужчины была ясной: если позволяли возраст и здоровье, он должен был служить, выполнять свой моральный долг перед Родиной. Проблема долга перед семьей рассматривалась в этом контексте, т.е. отступала на второй план. О решении в пользу ухода на фронт (а для многих это было именно собственное, выстраданное решение) женам писали, случалось, уже «с дороги». Иногда называли его «преступлением перед семьей» [8]. Особенно винули перед беременными женами и теми, которые оставались с несколькими детьми на руках. И.Д. Гольдфедер, в первые дни войны ушедший добровольцем в народное ополчение, обращался к жене: «Прости меня, милая деточка, что в такую тяжелую минуту оставил тебя одну, но я иначе не мог. Я хочу свой долг выполнить до конца. Я тешу себя мыслью, что ты родишь здорового ребенка» [9]. Артиллерист Г.О. Литяйкин писал жене и родственникам: «Сильно не плачьте, что будет. Детей не бросайте, их надо растить, хотя их и много, но ничего не поделаешь» [10].

Перекладывая груз ответственности за дом и детей на жен, мужчины взывали к их самостоятельности. Рядовые и офицеры предлагали женам «до конца войны вычеркнуть [их] из актива своего жизненного баланса» [11], не теряться, быть решительными. «Действуй и поступай так, как требует жизнь. Мое мнение в настоящих условиях не должно быть решающим, т.к. я все-таки такая личность, которая сегодня живет, а завтра ее может не быть» (из письма жене политрука роты Д.А. Абаева) [12]. Размышляя над тем, сколько трудностей выпало женам, мужчины обещали в послевоенном будущем компенсировать их усилия. Мотив «свидимся, отплачу сторицей» присутствует во множестве писем с фронта, адресованных женам.

С учетом того, насколько минимальны были ресурсы большинства семей в Советском Союзе, уход на фронт фактически означал, что самые близкие люди оставались на произвол судьбы. Не все мужчины отдавали себе в этом отчет, так как не могли предвидеть сроки войны, тяготы оккупации или эвакуации, которые выпали в будущем на долю их семей. Многие гнали от себя подобные мысли по той простой причине, что в сложившихся обстоятельствах бессильны были что-либо изменить. И, пожалуй, самое важное: советские люди надеялись на заботу государства, которое с началом войны представило себя основным защитником семей фронтовиков, отвечающим за решение их материальных и бытовых нужд.

Помощь военнослужащих семьям заключалась, прежде всего, в высылке денег (аттестаты, единовременные переводы), а также справок, которые должны были обеспечить членам их семей льготы, пособия и пр. Пересылка домой справок о том, что военнослужащий находится в рядах Красной армии, была распространена повсеместно. 1 августа 1941 г. А.И. Тыкин писал жене: «Высылаю удостоверение на льготы ты с ним можешь приходить везде и требовать льготы как-то страховка дома, Юру в садике. И вообще льготы все по кодексу закона. Только береги, смотри, не потеряй...» [13].

Кроме того, военнослужащие пытались привести в действие формальные и неформальные механизмы помощи, т.е. исходя из конкретных нужд семьи (дрова, питание в заводской столовой, ремонт в квартире и др.) обращались к друзьям, руководству своего предприятия или колхоза, в партийные организации разного уровня. Исследователи обращают внимание на то, что письма с фронта в адрес партийных и советских органов власти, массово распространенные и затрагивавшие самый широкий спектр вопросов, были характерным явлением изучаемого периода. Практика прямого обращения к органам власти для решения личных проблем превратилась в обычную для советских людей еще в 1930-е гг. В войну же первоочередное внимание стало уделяться письмам и просьбам воинов РККА. В.А. Сомов предлагает считать многочисленность таких обращений об оказании материально-бытовой помощи семьям военнослужащих не только указанием на то, что проблемы имелись в массовом количестве, но и на то, что «власть реально, насколько это было возможно, помогала гражданам их решать» [14].

Военнослужащие, оставившие свои семьи для защиты Родины, не считавшиеся с лишениями и непосредственной угрозой жизни, недоумевали, если помощи от власти приходилось добиваться с трудом. Поэтому в переписке с женами наболевшие проблемы обсуждались зачастую без особого стеснения в выражениях. «Сволочи эти чинуши... Побил бы в кровь морды этим проституткам», – выходил из себя Абаев [15]. Женам предлагалось быть настойчивее. Например, И.С. Атт, на первом году войны ушедший добровольцем, в 1944 г. инструктировал жену, находившуюся с детьми в эвакуации в г. Ташкенте: «Ты не стесняйся, хладнокровно заходи в Райвоенкомат и проси помочь тебе, пусть выдадут жмыху или что-либо другое. Не нервничай, скажи, что если не дадут, то ты снова мне напишешь» [16].

Разумеется, ресурсы помощи, которыми располагали военнослужащие, различались, и зависели они не только от напора и умения составлять грамотные обращения в партийные и советские органы, но и от связей, имевшихся в родных местах. Не стоит сбрасывать со счетов и те привилегии, которые существовали для работников руководящего звена в военный период, и, по сути, являлись продолжением их льготного обеспечения в довоенные годы. Именно их имел в виду генерал-майор П.Л. Печерица (до призыва в Красную армию – заместитель председателя Краснодарского крайисполкома), когда 8 мая 1944 г. писал жене о том, что она, как заведующая сектором партийно-комсомольских кадров Краснодарского крайкома ВКП(б), могла бы претендовать на особую помощь по линии крайкома. «Там ведь для наших семей установлена новая система снабжения пром и продтоварами. Это постановление ЦК и СНК есть в Крайкоме. Пиши, знаешь ли об этом». Свои привилегии были у представителей отдельных профессий, к примеру, творческих, при условии, конечно, что здесь были достигнуты значительные высоты. Ибрагим Гази, с 1934 г. состоявший в Союзе писателей СССР, объяснял жене, что в ее интересах не только получить его гонорары («на хлеб»), но и прикрепиться к закрытому магазину и к кафетерии Союза в Казани [17].

Что касается финансовой помощи, то наблюдалась поляризация военнослужащих по возможностям ее оказывать. В наилучшем положении находился командный состав, получавший приличное денежное содержание, а также те, кому удавалось проворачивать коммерческие операции. Аттестат на получение денег пересылался жене по почте или передавался с оказией, и с этих пор он становился средством ежемесячного финансового поддержания семьи. Здесь следует иметь в виду несколько обстоятельств. Во-первых, немало военнослужащих, помимо жены и детей, помогали деньгами и другим родственникам (родителям, братьям, сестрам, племянникам), т.е. их денежные ресурсы делились между несколькими получателями. Во-вторых, доход военнослужащего менялся в зависимости от продвижения по службе и ее условий (тем, кто находился непосредственно на фронте, выплачивались «полевые»), что, соответственно, отражалось на сумме аттестата. В-третьих, ввиду перемещений, как военнослужащего, так и его семьи, а также других чрезвычайных обстоятельств, случались заминки в переводе денежных средств. «Я не знаю, куда высылать аттестат и деньги, я даже не могу себе представить, как они сейчас живут, не имея на руках ни копейки денег?..» – обращался в Краснодарский крайком партии потерявший связь с семьей П.А. Беспалов [18], и такие ситуации в войну редкостью не были.

Военнослужащий не имел права высылать аттестат на полную сумму своего оклада. В мае 1943 г. старший лейтенант Н.Я. Дверес сообщал жене, что выписал ей новый аттестат сроком на год на сумму 480 руб., поскольку «больше нельзя было (60 %) от оклада» [19]. В апреле 1944 г. лейтенант А.Ф. Колосов предупреждал жену, что аттестат выписывают только на 65 % основного оклада [20]. В 1944 г. генерал-майор П.Л. Печерица поддерживал жену аттестатом на 1000 руб., и на такую же сумму высылал аттестат сыну, находившемуся в военном училище в Средней Азии [21]. Вообще крупные суммы («тысячи») встречаются в письмах, преимущественно, тогда, когда речь идет о посылке средств сразу за несколько месяцев. Сравнительно с командным составом, у рядовых возможности помощи были мизерны, и очевидно, что родные, как бы ни нуждались, опереться на нее не могли. В 1943 г. М.Б. Ваил писал жене: «Я получаю жалованье не как кадровый, а как приписной состав и мой оклад равен 73 руб. в месяц и то с января месяца, а до этого получал 20 руб. Может быть, я в дальнейшем буду получать больше, то я тебе вышлю...» [22].

От трагического восприятия материально-бытовых проблем советских людей «хранили» непритязательность и высокая сознательность. Образец последней – письмо

А.А. Шипикина, адресованное жене и матери двоих его детей в деревню в Горьковской области: «Дуся, я вам сообщаю, что мне сейчас присвоили звание старшего сержанта и за май месяц получу уже зарплату 125 руб. Дуся, я подписался на заем на 100 руб., и вы пишете, что подписались с отцом на 300 руб. Это очень хорошо вы сделали. Этот займ нам поможет быстрее победить гитлеровских оккупантов. Дуся, я узнал из ваших писем, что забрали всех и бракованных, ну ничего не поделаешь, необходимо всем выполнять приказ товарища Сталина. Дуся, передай привет нашему правлению, чтобы крепили дисциплину в колхозе, а вы, Дуся, будьте активной колхозницей, стахановкой, чтобы, когда я пришел домой, то бы вам было чем гордиться, а я буду добиваться, чтобы оправдать звание члена партии» [23].

Уплата налогов, подписка на займы, партвзносы – участие в этих предприятиях, как правило, супругами не обсуждалось даже при самом скудном бюджете. «Я тебе выписал аттестат на 850 руб., ты должна получать, а налоги, которые положено тебе платить, плати в первую очередь и не затягивай. Ведь я тоже государству помогаю, потому что это необходимо в данный момент» (из письма старшего лейтенанта С.И. Страхова); «Таня, Вы, может, осерчали, что я Вам денег уже давно не присылал, так я денег внес на строительство танковой колон[ны] 700 руб. и послал Вам аттестат» (из письма Г.А. Ковшарева) [24]. Редко можно встретить робкое сетование по поводу того, что семья недополучит помощи от своего главы из-за постоянных «побочных» расходов. Так, Ф.С. Ременник сухо предупреждал родных, находившихся в эвакуации: «Вам будет труднее, тем более что сумма аттестата уменьшена на сумму займа» [25].

Иногда в письмах встречаются советы женам насчет того, как не потерять имеющиеся в семье денежные сбережения или сохранить самое ценное имущество. Правда, касаются они столь обыкновенных вещей и столь незначительных сумм (особенно на фоне обесценивания денег в военное время), что становится очевидным: все это никак не могло спасти семью или существенно изменить ее материальное положение. На наш взгляд, эти поистине «уникальные» (по частоте, с которой они возникают в переписке) сюжеты определенно говорят только об одном – низком материальном уровне основной массы семей в Советском Союзе.

В целом, источники личного происхождения свидетельствуют, что большинство военнослужащих, независимо от условий несения службы и конкретной ситуации в семье, не могли привлечь дополнительные (тем более, незаконные) источники ее поддержки, да и не стремились к этому. Чаще всего дело сводилось к тому, что глава семьи брал вину за ее тяжелое положение на себя, и, безусловно, терзался этим. В октябре 1941 г. в преддверии возможной смерти сержант И.Н. Исаев вину перед «дорогим семейством» (жена и четверо детей, проживавшие в Горьковской области) в том, что оставил их «ни с чем». Горевал: «Как вы будете жить, не знай, без хлеба, без топки, ни одежды с обувкой, а скоро зима будет» [26].

Семья лейтенанта В.В. Крылова, находившаяся в Московской области, в это же время испытывала сходные проблемы. И хотя информация преподносилась женой в падающем режиме, но повода для оптимизма не оставляла: «Папусенька!!! Прихожу домой и вижу твое письмо с карточками, так мы все обрадовались. Мы пока что имеем возможность видеть тебя хоть на карточке целого и невредимого, а многие уж этого лишены навеки. Сколько было бы радости, если бы ты возвратился домой, с меня свалилась бы целая гора забот. Ведь мне не с чем встречать зиму, картошки только 1 мешок, дров нет, а также и обуви, можно сказать, разуты все. Хорошо, что пока держится хоть летняя погода, хотя уже и октябрь наступил. Я вчера опять была в Синькове, принесли два кочна капусты (кило 4–5) и кило 3 картошки, опять набрала на кашу пшеничных колосков. Мне бы оч[ень] хотелось сэкономить немного рису для детей и манной, но ничего пока не получается» [27]. Видимо, под впечатлением от таких же писем из дома рядовой Л.П. Рыбаков написал: «Валя, я лишь сейчас молю одного, как бы скорее бой, погибнуть за родину или же поранят. Если погибну, страна вас не забудет». «Последняя просьба» Рыбакова к родителям состояла в том, чтобы не выгоняли из дому жену и дочь, отдали им его носильные вещи [28].

В то же время фронтовики ожидали от своих жен оптимистичного настроения насчет собственной судьбы и будущего семьи. Об этом свидетельствуют распространенные напутствия: «Обо мне не беспокойся, но не забывай» (из письма рядового А.В. Жужгина); «Тосковать не надо, питай надежду...» (из письма лейтенанта А.Ф. Колосова) [29]. Немногие

решались напрямую поднять вопрос о том, как устроит свою жизнь жена, если муж погибнет на фронте. Были те, кто великодушно предоставлял женщине право распорядиться своей судьбой. Так поступил, в частности, В.В. Сырцылин, написав в первом же письме из ополчения: «Я даю тебе полную волю в случае моей гибели устроить свою судьбу, жизнь так, как тебе захочется, только люби и береги Ольгу, а обо мне можешь и не вспоминать, чтобы не омрачать» [30]. Можно предположить, что на такое письмо мужчина ожидал получить заверения в верности и преданности, что обычно и происходило. В то же время встречаются послания, в которых «вечная верность» предписывается женам, независимо от их соображений на этот счет. Так, К.И. Храмов, озабоченный тем, что маленький сын в случае его гибели даже не сможет вспомнить отца, писал жене: «Я бы не желал, моя милая Танечка, чтобы наш сын имел другого папу при всяком случае. Ты меня, друг, понимаешь. Думаю, ты мою просьбу исполнишь» [31].

Некоторые женщины, сильно тоскуя, задумывали поездки к мужьям. Такие идеи воспринимались фронтовиками без энтузиазма, так как они реально представляли себе трудности пути и встречи. Когда ленинградец М.Н. Митрохин, в июле 1941 г. призванный служить на финскую границу, узнал, что жена наметила их свидание в Выборге, то выразил ей свое удивление, а в конечном итоге предложил выбросить эту идею из головы. «Сашенька, что с тобой. <...> Что ты думаешь сделать этим положения не исправишь, а только будет хуже, я, во-первых, тебя все равно не увижу и ты меня тоже, и не будем знать где ты где я, а это еще хуже будет...» [32]. Лейтенант А.Ф. Колосов, находившийся на учебе в Боровичах, высказывался в том же духе: «Поверь, Зина, что очень желал бы повидаться с тобой, но мне просто жалко тебя, что тебе вот именно приходится рваться на все стороны и что ты измучаешь себя до последнего, а еще ты нужна для детей. Вот из этих соображений и пишу, Зина, что ездить не следует» [33].

Мужчины обычно оперировали весомыми аргументами, что заставляло женщин отказываться от рискованных идей, по большому счету, не лишенных романтики и многое говоривших об их чувствах. Хотя, по словам генерал-майора П.Л. Печерицы, жены военнослужащих нередко добивались до переднего края на свидания с мужьями, все-таки во множестве случаев удавалось отговорить их от опасного предприятия, либо пробившихся на передовую женщин перехватывали и под конвоем отправляли в тыл [34].

Мечты об отпусках бередили обе стороны, но реальностью становились редко. С отпусками, что называется, «мариновали» (не отказывали в просьбе, но и не удовлетворяли ее в течение длительного времени), так что фронтовики склонялись сами отказаться от этой идеи: «А если нет, то черт с ним, будем тогда биться до Победы. Будем живы – встретимся, а нет – так нет» [35]. Для женщин же тема отпусков была крайне болезненной. Вооруженные информацией о том, что тот или иной родственник (сосед, знакомый) прибыл в отпуск, они начинали давить на мужей, но получали твердый отпор. «Зина, ты в каждом письме пишешь мне, чтобы я приезжал домой хоть на два дня. Эх, Зина, неужели я против этого, мне-то, думаешь, не хочется повидаться с вами, с великим бы удовольствием посмотрел на детей, побыл бы с тобой, но кто же отпустит меня, конечно, не отпустят, ты пишешь, что много знаешь случаев, что отпускали кого-то. Это, Зина, исключение, а сколько случаев я знаю, что не отпускали, так очень много» (из письма А.Ф. Колосова) [36]. На ту же тему беседовал с женой политрук Абаев, развенчивая ее историю о подруге, уже несколько раз встречавшейся с мужем в Москве и трижды – дома. «Такие вещи возможны только при службе в тылах, да и то незаконно, а нам в действующих частях мечтать об этих вещах не приходится. В нашей среде есть командиры, а в особенности бойцы, у коих дома 20–25 км от передовой, а попасть туда не имеют возможности». Однажды, уже в 1944 г., Абаев поддался на уговоры супруги, о чем пожалел, так как получил упрек от начальства, «не решил ли я, что война уже закончилась» [37].

Кроме проблем выживания, война ставила перед семейными парами этические дилеммы. Темы супружеской верности или отношения жены к возможной инвалидности мужа время от времени, в профилактических целях, поднимали советские газеты. Присутствуют они и в письмах с фронта. Что касается ранений и инвалидности, то женщины, в большинстве своем, заверяли мужей в готовности принять их «любыми». Жена П.Н. Грошева выразила распространенное среди женского населения настроение: «Как я завидую возвратившимся с фронта. Хоть с одной рукой, с одной ногой, но с головой на

плечах и с лицом, с которым можно и поговорить, и женам что-то подсказать. Усадьбы свои раньше всех вспахали, посадили, дома выглядят хорошо, сами ходят нарядные, потому что сердца у них спокойные. Хоть бы и ты пришел, хоть раненый, но живой» [38]. «Свою душу, свое тело, хоть израненное, ты должен принести мне. Это все, чего я хочу», – писала жена А.П. Поповиченко [39].

Тема супружеской верности фигурировала в переживаниях обеих сторон. Те, кто не решался затронуть ее напрямую, использовали уловки. Капитан Горохов, к примеру, пытал жену: «Сообщи мне, кто из солдаток крутит хвостом, пользуясь отсутствием мужа. Я хоть про себя их поругаю, сукиных дочерей» [40]. Примечательно, что в среде фронтовиков сильны были представления о том, что «все жены изменницы», и отголоски этих разговоров проникали в письма домой, обижали женщин, вынуждали их оправдываться. Жена Поповиченко, к примеру, устало объясняла мужу, что постоянная борьба за жизнь (свою и детей) никак не совместима с изменами [41]. Со своей стороны, женщины, в основном, высказывали доверие. «Никакие разговоры о фронтовой неразборчивости не могут поколебать во мне веру в тебя, в то, что плохого ты не сделаешь...» (из письма жительницы Тамбова Н.В. Осинской) [42].

Война, несомненно, испытывала на прочность отношения многих семейных пар. Длительный разрыв семейных уз, связанный с ней, в отдельных случаях провоцировал пересмотр мужчиной или женщиной своего семейного положения. С другой стороны, немало случаев, когда война, напротив, помогла разобраться в чувствах. Пример снайпера Ю.И. Шабельского – из этого числа. «Я, Маруся, только вот здесь, находясь на фронте, понял, как вы мне дороги, как много думаю о вас, беспокоюсь, как это раньше я не замечал в себе. Ну, ничего, родная, буду жив, вернусь домой, постараюсь доказать тебе на факте свою преданность и любовь к тебе и дочке, и надеюсь, что ты не упрекнешь меня в плохих моих к тебе отношениях и постараюсь так нашу жизнь сделать, чтобы она была радостна и счастлива» [43]. Как проявление нежности в письма вкладывали цветы, копировали стихи. Фотографии жен брали с собой в бой, так как существовало поверье, что «любовь хранит».

Семейная переписка выполняла, прежде всего, функцию моральной, эмоциональной поддержки. Это касалось не только отношений между супругами, но и коммуникаций фронтовиков с родителями. По письмам чувствуется, что военнослужащие, особенно из числа молодежи, скучали по родителям, были обеспокоены судьбами старшего поколения. На первом месяце войны сержант А.М. Хашевский спрашивал отца: «Я не знаю, каким образом отразилась война на тебе лично. Может быть, ради шутки мобилизовала тебя в армию или зачислила в ополчение?» [44].

Источники свидетельствуют о том, что разнообразные практики взаимной помощи, связывавшие фронтовиков и их родителей, имели широкое распространение. Для военнослужащих много значили посылки из дома, куда заботливые матери вкладывали необходимые вещи (варежки, перчатки, носки), продукты (сухари, сладости), махорку, бытовые мелочи. Со своей стороны красноармейцы также проявляли обеспокоенность материальным положением родителей, к чему имели веские основания. Во-первых, следуя через города и деревни родной страны, они могли составить представление о лишениях мирного населения, рыночных ценах на продукты и вещи. Во-вторых, воспоминания о довоенном уровне жизни не вселяли оптимизма. «В настоящее время жизнь, конечно, гораздо сложнее и тяжелее, а в особенности в наших местностях, где и в довоенное время не так то всего было достаточно и почти во всем ощущались недостатки, – домысливал «ненаписанное» матерью и сестрой фронтовой шофер Н.И. Ершов. – Самый главный конечно в настоящее время это вопрос с питанием и с хлебом, вот что меня больше всего и беспокоит в отношении вашей жизни. А потому прошу в следующем письме об этом чиркануть конкретно как и что, по-моему это не будет преступление если и прочитают при проверке» [45]. Известно, что впоследствии Ершов поддерживал мать деньгами в пределах 200 руб. в месяц.

Родители могли скрывать свои проблемы, не желая волновать военнослужащего, либо такая информация не доходила до него, поскольку вымарывалась цензурой. Полковник А.П. Сироткин сообщал матери, что в последнем ее письме «все было вырезано, ко мне пришло только здравствуй да до свидания, вы, очевидно, писали о своей жизни...». В связи с этим просил мать четко написать только одно – «помогает колхоз или нет» [46].

«Посылаю вам справку о своем состоянии для случайной надобности, чтобы предъявить местным властям» – такова типичная формулировка, присутствовавшая в тысячах писем с фронта, адресованных родителям. Другой жизненно важной формой помощи фронтовиков родителям были деньги, особенно если они копились не один месяц. Старший лейтенант А.В. Назаренко сообщал матери в 1944 г., за месяц до своей гибели: «Я вам послал недавно 3100 руб. переводом, снял их с вкладной книжки. Но никогда не думай, что это в ущерб себе, т.к. за все время пребывания на фронте я не истратил ни одной копейки, кроме как на членские взносы» [47].

Востребованным видом моральной поддержки были советы. Наиболее часто родители советовались с детьми по бытовым, хозяйственным вопросам. «Мама, Вы меня спрашиваете в отношении нашей квартиры. Мое соображение такое, что, конечно, лучше ее продать, а купить корову, все-таки вам с коровой легче будет» – отвечал матери в Саранск старший лейтенант В. Иванов [48]. «Поросенка растите потому что он пригодится вам», – настаивал в письме родителям в одну из деревень Кировской области С.И. Александров [49]. Он не рекомендовал им переезд в город, и таким образом солидаризировался с мнением большинства военнослужащих, считавших городскую жизнь во время войны более трудной в материальном отношении.

Поддержка фронтовиками родных также выражалась в пересылке им вещей (трофеев). Серьезный масштаб этот вид помощи приобрел на завершающем этапе войны, когда советские военнослужащие оказались за границей и получили возможность отсылать домой одну посылку в месяц. К примеру, с начала 1945 г. В.И. Александров отправил родителям пять таких посылок. В первой, январской, содержалось 4 куса туалетного мыла, 400 г хозяйственного мыла и немного сахара. Февральская была намного солиднее: отцу – рубашка и двое брюк, матери – материал на юбку и меховая шапочка, а шелковые платья – на продажу. Три весенние посылки содержали ткани, платья, брюки; Александров также просил «приберечь» для тех времен, когда он возвратится домой, пальто, брюки и полуботинки («а то если приеду то на первый раз и одеть мне нечего») [50].

Фронтовики старались держать родных в курсе своих дел, и это особенно касалось переписки с матерями. Последних, как правило, успокаивали: «Вернусь, безусловно, целым и невредимым. Иначе быть не может». Либо отделялись короткими замечаниями: «Раз пишу – все в порядке». Понимая, что именно, в первую очередь, хотят знать матери, им сообщали о здоровье, настроении, одежде и питании. Но иногда, забываясь и теряя контроль, писали о том, что погибли друзья-сослуживцы и сам «чудом остался жив», что за границей живет «как баронам, только каждую минуту грозит смерть» [51]. Поскольку в суровой фронтовой обстановке военнослужащие быстро выросли, грубели, то «нефильтрованные» сюжеты попадали в письма матерям все чаще.

С отцами изъяснялись более откровенно, демонстрируя хладнокровие. «На предстоящую войну смотрю совершенно спокойно. Убьют – ничего не поделаешь, нет – посмотрю много интересного. Правда, будет очень нелегко и, наверно, на долгое время», – писал отцу на первой неделе войны А.М. Хашевский [52]. Во втором письме с передовой 18-летний пехотинец Юрий Романенко был честен в описании своего положения, хотя и проявлял выдержку: «Живу ничего. Многие мои товарищи убиты и многие уже ранены. Меня два раза задело осколками, но все обошлось благополучно. Ранения маленькие и я из строя не выбываю. <...> Эх, милый папа, если останусь жив, многое тебе расскажу. Да и навряд ли буду жив» [53].

В то же время ряд писем свидетельствует, что далеко не всем военнослужащим хватало внимания самых родных людей. Сергей Александров чувствовал себя обделенным таким вниманием: «Когда я уходил в армию вы все говорили что пишете нам письма чаще и ты мама говорила что уйдешь в армию так маме и письма не напишешь вышло все наоборот я вам пишу все время а вы мне не пишете...» [54]. «...Пишите и не забывайте, – упрашивал родных уроженец г. Новгорода Владимир Александров. – Особенно вы отец, потому что я твой родной сын, который тебя любит и который тебя не забывает и никогда не забудет чем могу всегда помогу...» [55]. Действительно, в письмах с фронта встречаются обещания обязательно отдать сыновний или дочерний долг, и сформулированы они в следующем ключе: «Мужайтесь, крепитесь, не падайте духом, доживем до дней победы, и я осчастливлю Вашу заслуженную старость» [56].

Заключение. Обобщая, можно отметить, что во внутрисемейных взаимоотношениях в период Великой Отечественной войны наблюдались противоречивые тенденции. С одной стороны, война ослабляла семейные узы, причем ее «печальная работа» заключалась не только в том, что вырывались из жизни намного раньше отпущенного срока отцы и матери, оставались сиротами дети. Хотя об этом до сих пор мало сказано, но был нанесен определенный урон моральным устоям семей, долгое время вынужденно проживавшим раздельно. Очевидно, что неизмеримо выросшая за годы войны самостоятельность женщин (эмансипация военного времени) в послевоенном будущем породила свои проблемы для советской семьи. Также как привнесли свои проблемы в ее жизнеустройство оторванность фронтовиков от мирного быта на протяжении длительного времени, их бивуачный порядок жизни. С другой стороны, нельзя не почувствовать, что экстремальные условия войны многократно усилили тягу к сплочению в рамках семьи. Как заметил по этому поводу летчик Н.П. Жуган, «война сгруппировала». Переписка с родными людьми, воспоминания о родном доме, как ничто другое, эмоционально поддерживали красноармейцев, добавляли им стойкости. В свою очередь, материальная и моральная помощь, которая поступала со стороны военнослужащих в семьи, имела порой первостепенное значение для их нормального существования. В целом, родственная взаимопомощь во всех ее разнообразных проявлениях, практиковавшаяся населением страны в 1941–1945 гг., была одним из основных ресурсов его выживания и победы над врагом.

Примечания:

1. Респондент: Обозьянский Александр Павлович, 1927 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажикина. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность 75 минут. Запись от 8 июля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
2. Зензинов В.А. Встреча с Россией: Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию, 1939–1940. Нью-Йорк, 1944. С. 5, 103, 105, 128, 179, 257, 527, 529.
3. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования. СПб.: Европейский Дом, 2008. С. 100, 102.
4. Респондент: Обозьянский Александр Павлович.
5. Боле Е.Н. Движение добровольцев в годы Великой Отечественной войны: мотивация вступления в Действующую армию тылового населения страны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 246.
6. Память о Великой Отечественной войне... С. 140, 142.
7. Респондент: Жуган Николай Павлович, 1917 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажикина. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность 77 минут. Запись от 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
8. Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: сб. документов. Краснодар: Диапазон-В, 2010. С. 82.
9. «Сохрани мои письма...»: Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 2007. С. 56.
10. Письма из войны: Сб. документов. Саранск: Респ.архив.служба РМ, 2010. С. 229.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 70б.
12. Там же. Д. 1454. Л. 100.
13. Там же. Д. 292. Л. 30б.
14. Сомов В.А. Письма фронтовиков о жизни военного времени // Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3. М.: Институт Российской истории РАН, 2005. С. 918, 920.
15. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 63.
16. «Сохрани мои письма...»: Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 2. М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2010. С. 222.
17. Герои терпения.... С. 148, 179.

18. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1186. Л. 20.
19. «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 150.
20. «Я пока жив...» (Фронтовые письма 1941–1945 гг.). Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2010. С. 121.
21. Герои терпения... С. 143, 148.
22. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 360. Л. 170б.
23. «Я пока жив...» С. 274.
24. Там же. С. 96, 227.
25. Архив Научно-просветительного центра (НПЦ) «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 177. Л. 14.
26. «Я пока жив...» С. 86.
27. Там же. С. 155.
28. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-6217. Оп. 6. Д. 110. Л. 1–2.
29. «Я пока жив...» С. 71, 113.
30. Герои терпения... С. 83.
31. Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3. М.: Институт Российской истории РАН, 2005. С. 946.
32. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 150. Л. 5.
33. «Я пока жив...» С. 117.
34. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1773. Оп. 1. Д. 8. Л. 5–6.
35. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1393. Л. 90б.
36. «Я пока жив...» С. 114.
37. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 610б., 98.
38. Письма из войны... С. 394.
39. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 125об.
40. ЦАНО. Ф. Р-6217. Оп. 6. Д. 13. Л. 7.
41. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 124, 125об.
42. Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»): Сб. документов. Тамбов, 2005. С. 271.
43. «Я пока жив...» С. 258.
44. «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 23.
45. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1222. Л. 2.
46. «Я пока жив...» С. 217.
47. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1003. Л. 37; Д. 501. Л. 163.
48. Письма из войны... С. 132.
49. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Л. 1003. Л. 36.
50. Там же. Д. 1171. Л. 18, 190б., 23, 27.
51. «Сохрани мои письма...» Вып. 2. С. 258; «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 16, 57.
52. «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 22.
53. Герои терпения... С. 165.
54. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1003. Л. 14.
55. Там же. Д. 1171. Л. 6.
56. «Сохрани мои письма...» Вып. 1. М., 2007. С. 202.

References:

1. Respondent: Obozyanskii Aleksandr Pavlovich, 1927 g.r. Interv'yuer: I.G. Tazhidinova. Mesto provedeniya: g. Krasnodar, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 75 minut. Zapis' ot 8 iyulya 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
2. Zenzinov V.A. Vstrecha s Rossiei: Kak i chem zhivut v Sovetskom Soyuze. Pis'ma v Krasnuyu Armiyu, 1939–1940. N'yu-Iork, 1944. S. 5, 103, 105, 128, 179, 257, 527, 529.
3. Pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoi Rossii. Materialy i issledovaniya. SPb.: Evropeiskii Dom, 2008. S. 100, 102.
4. Respondent: Obozyanskii Aleksandr Pavlovich.

5. Bole E.N. Dvizhenie dobrovol'tsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: motivatsiya vstupleniya v Deistvuyushchuyu armiyu tylovogo naseleniya strany // Voенно-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik, 2005/2006. Aktual'nye problemy izucheniya. M.: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2006. S. 246.
6. Pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine... S. 140, 142.
7. Respondent: Zhugan Nikolai Pavlovich, 1917 g.r. Interv'yuer: I.G. Tazhidinova. Mesto provedeniya: g. Krasnodar, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 77 minut. Zapis' ot 25 oktyabrya 2012 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
8. Geroi terpeniya. Velikaya Otechestvennaya voina v istochnikakh lichnogo proiskhozhdeniya: sb. dokumentov. Krasnodar: Diapazon-V, 2010. S. 82.
9. «Sokhrani moi pis'ma...»: Sb. pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoi Otechestvennoi voiny. Vyp. 1. M., 2007. S. 56.
10. Pis'ma iz voiny: Sb. dokumentov. Saransk: Resp.arkhiv.sluzhba RM, 2010. S. 229.
11. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. M-33. Op. 1. D. 369. L. 7ob.
12. Tam zhe. D. 1454. L. 100.
13. Tam zhe. D. 292. L. 3ob.
14. Somov V.A. Pis'ma frontovikov o zhizni voennogo vremeni // Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsiya. Iyun' 1941 g. – 1953 g. T. 3. M.: Institut Rossiiskoi istorii RAN, 2005. S. 918, 920.
15. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 1454. L. 63.
16. «Sokhrani moi pis'ma...»: Sb. pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoi Otechestvennoi voiny. Vyp. 2. M.: Tsentri i Fond «Kholokost»: MIK, 2010. S. 222.
17. Geroi terpeniya.... S. 148, 179.
18. Tsentri dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraja (TsDNIKK). F. 1774-R. Op. 2. D. 1186. L. 20.
19. «Sokhrani moi pis'ma...» Vyp. 1. S. 150.
20. «Ya poka zhiv...» (Frontovye pis'ma 1941–1945 gg.). N. Novgorod: Komitet po delam arkhivov Nizhegorodskoi oblasti, 2010. S. 121.
21. Geroi terpeniya... S. 143, 148.
22. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 360. L. 17ob.
23. «Ya poka zhiv...» S. 274.
24. Tam zhe. S. 96, 227.
25. Arkhiv Nauchno-prosvetitel'nogo tsentra (NPTs) «Kholokost». F. 9. Op. 2. D. 177. L. 14.
26. «Ya poka zhiv...» S. 86.
27. Tam zhe. S. 155.
28. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti (TsANO). F. R-6217. Op. 6. D. 110. L. 1–2.
29. «Ya poka zhiv...» S. 71, 113.
30. Geroi terpeniya... S. 83.
31. Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsiya. Iyun' 1941 g. – 1953 g. T. 3. M.: Institut Rossiiskoi istorii RAN, 2005. S. 946.
32. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 150. L. 5.
33. «Ya poka zhiv...» S. 117.
34. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja (GAKK). F. R-1773. Op. 1. D. 8. L. 5–6.
35. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 1393. L. 9ob.
36. «Ya poka zhiv...» S. 114.
37. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 1454. L. 61ob., 98.
38. Pis'ma iz voiny... S. 394.
39. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 369. L. 125ob.
40. TsANO. F. R-6217. Op. 6. D. 13. L. 7.
41. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 369. L. 124, 125ob.
42. Pis'ma Velikoi Otechestvennoi (iz fondov GU «TsDNITO»): Sb. dokumentov. Tambov, 2005. S. 271.
43. «Ya poka zhiv...» S. 258.
44. «Sokhrani moi pis'ma...» Vyp. 1. S. 23.
45. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 1222. L. 2.

46. «Ya poka zhiv...» S. 217.
47. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 1003. L. 37; D. 501. L. 163.
48. Pis'ma iz voiny...S. 132.
49. RGASPI. F. M-33. Op. 1. L. 1003. L. 36.
50. Tam zhe. D. 1171. L. 18, 19ob., 23, 27.
51. «Sokhrani moi pis'ma...» Vyp. 2. S. 258; «Sokhrani moi pis'ma...» Vyp. 1. S. 16, 57.
52. «Sokhrani moi pis'ma...» Vyp. 1. S. 22.
53. Geroi terpeniya... S. 165.
54. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 1003. L. 14.
55. Tam zhe. D. 1171. L. 6.
56. «Sokhrani moi pis'ma...» Vyp. 1. M., 2007. S. 202.

УДК 94(47)

Специфика внутрисемейных взаимоотношений в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ирина Геннадьевна Тажидинова

Кубанский государственный университет, Россия
Кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии
350063, г. Краснодар, ул. Кубанская Набережная, 4.
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет опыт реконструкции взаимоотношений военнослужащих Красной армии и их родственников на основании частной переписки. Ее источниковой базой послужили опубликованные в последнее десятилетие сборники документов личного происхождения, а также комплексы эпистолярных источников, находящиеся на хранении в ряде архивов Российской Федерации (Российском государственном архиве социально-политической истории, Центральном архиве Нижегородской области, Архиве Научно-просветительского Центра «Холокост» и других). Данные источники, зафиксировавшие личностный опыт восприятия времени войны, позволили проанализировать эмоциональные переживания комбатантов и членов их семей (родителей, жен, детей), основные проблемы внутрисемейных отношений (моральные, финансовые, материальные). В целом, в статье рассматривается характер и содержание письменного общения красноармейцев с родственниками в 1941–1945 гг.

Ключевые слова. Великая Отечественная война 1941–1945 гг., фронтовики, семейная переписка, фронтовая и тыловая повседневность, финансовая и моральная поддержка.